

Арнольд Фибигер

В нашем любимом доме была огромная комната, в углу которой жило старинное, рождённое в конце позапрошлого века, немецкое пианино марки Arnold Fibiger с оригинальным барельефом. Почему-то я была уверена, что в центре, на фасадной крышке с тремя фигурными рамками – профиль Фредерика Шопена. Во всяком случае, был очень похож... В двух боковых рамках сияли бронзовые ажурные узорные подсвечники, которые поворачивались на оси, а чаши для свечей в них вынимались-вставлялись... И мне хотелось, чтобы по вечерам горели свечи, отбрасывая отблески на клавиши. Не часто, но я зажигала их... Сверху лежала стопка нот – ещё моей бабушки, маминой мамы.

А мама не умела играть...

Но вот когда приезжали её сёстры – Соня и Надя, пианино оживало! Дом наполнялся звуками необыкновенной красоты. Я слышала разговоры взрослых, что наше пианино бесценно, что у него бронзовая дека и такие же струны... И фирма, изготовившая его – одна из лучших в прошлом... Да, когда мне удавалось в отсутствие взрослых открыть и снять фасадную крышку, то изучение внутренностей повергало в изумление. Там были привинчены блестящие, словно золотые, медали, которыми, как я тогда думала, было награждено именно наше пианино.

Позже моя учительница по специальности объяснила мне во время учёбы в музыкальной школе, что такими медалями награждена марка Arnold Fibiger, и что их крепят на все изготовленные инструменты... Это немного разочаровало. Но я по-прежнему была уверена, что наше пианино – одно такое! Оно имело медали Лондона, Парижа, Амстердама – всего двенадцать красивых больших тиснёных кругов. Может, благодаря всему этому, его звук был таким особенным. Бронзовая дощечка с тиснёными медалями ещё крепилась снизу, под подставкой для нот. И по бокам, в конце клавиатуры, находились деревянные подвижные ручки с надписью "модератор". Они тоже влияли на качество звука... Как же мне хотелось сесть на круглый вертящийся стул и сыграть, как Сонечка! Вместо этого у меня получалось какое-то однообразное брыньканье...

Ещё до школы родители пригласили на дом пожилую опытную учительницу Любовь Фёдоровну.

– Ва-си-лэк! Ва-си-лэк! Мой любимый цветок! – "пела" я под собственный аккомпанемент. И дальше "Василька" и "Гусей" дело почему-то не продвигалось.

– Поступайте в мой класс! – сказала родителям Любовь Фёдоровна.

Осенью я поступила в музыкальную школу. И начались муки ада.

Монотонные неинтересные занятия с учительницей, которая за малейшую оплошность била по пальцам тонким простым карандашом! Было

очень больно! И обидно – меня ругала и ругала, била и била эта старая карга! И внушала мне, что я бездарь и тупица, и родители у меня такие же. По другим предметам были приличные оценки, а по специальности я не вылезала из троек.

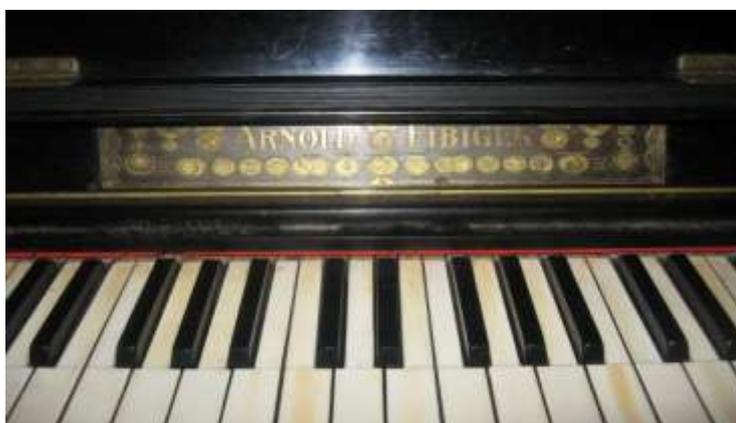
Почему я не жаловалась родителям целых четыре года, не могу сказать. Сейчас думаю, что, скорее всего, боялась, что меня опять будут ругать... Страх так крепко сковал меня, что я боялась академконцертов, экзаменов, и просто уроков!

И вот – прорвало! В конце четвёртого класса я восстала и сказала дома, что больше в музыкалку не пойду! Рыдала, но стояла на своём. Папа выспросил у меня, в чём же дело. А через несколько дней он был у директора музыкальной школы, и перевели меня к другой учительнице... Много позже папа рассказал, какой тогда состоялся разговор...

А тогда! Я словно родилась на свет! Никто не ругал меня, не бил по худым пальцам длинным простым гранёным карандашом! А главное – мне полностью заменили программу, я успела всё выучить и успешно – на четвёрку – сдать экзамен. И все остальные классы училась у этой – молодой, весёлой, бесконечно влюблённой в своё дело Марины Николаевны. Оказывается, учительница должна была перед изучением произведения познакомить меня с ним – сыграть сама! Как легко играла с листа Марина Николаевна! Я сразу влюблялась в новую пьесу! Какие красивые вещи подбирала она мне, и как мне хотелось бежать на её уроки!

Спасибо папе, что сумел понять тогда меня, не дал бросить занятия, и свёл с чудесным педагогом! Папы давно нет. Марина Николаевна вскоре ушла преподавателем на музыкально-педагогический факультет Университета и выросла до высоких должностей... А мне привила любовь к классике...

Долго наше старое пианино радовало дом своим бархатным голосом. Когда на душе было невероятно тошно, только пианино спасало от грусти! Ни магнитофонные записи, ни компакт-диски, ни музыкальные фильмы – ничто так не расслабляло, как собственное длительное извлечение волшебных звуков из бронзовых глубин старинного красавца!

Потом наш дом снесли, и пианино переехало в стандартную квартиру, где еле уместилось. И где его бархатный голос осип от мелкоты помещения...

Здесь надо было считаться с наличием соседей, их разнообразными вкусами...

Мои дети не пошли по специальности фортепиано... Выбрали гитару... Да и я не избрала музыку делом своей жизни. Хотя по-прежнему, как когда-то мамыны сёстры, любила сесть за пианино...

А потом тяжёлая болезнь мужа съела все наши финансы. И за большие деньги бравые ребята увезли в неизвестность наш Arnold Fibiger, бережно упаковав его в кучу поролоната... Сказать, что я плакала, это ничего не сказать! Я рыдала, как на похоронах, утешая себя мыслью, что ТАМ ему будет хорошо. И что Валерке очень нужны деньги на лечение...

Через пару лет, я изучила всё, что только можно по его диагнозу. И услышав из уст только от одного врача – знаменитого костоправа, гения мануальной терапии Николая Касьяна, что наши траты напрасны – болезнь неизлечима, я перестала думать о продаже квартиры...

В нашем подъезде, двумя этажами выше, живёт современное пианино. Я подружилась с его хозяйкой. Когда слышу её музицирование, то временами захожу в гости. Со своими нотами. Многое уже не помнится наизусть. Да и голос её молодого инструмента, как голос подростка, отличается от голоса моего старого незабываемого пианино...

